

Оригинальная статья / Original article

УДК 355(=512.212)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-98-105>

ВОЕННОЕ ДЕЛО ТУНГУСОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

© В.В. Ушницкий, Г.Н. Варавина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук,
677027, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1.

Аннотация. Статья посвящена изучению военного дела тунгусов. Реконструируется по фольклорным и археологическим материалам. Межродовые войны у тунгусов происходили из-за женщин, охотничьих и пастбищных угодий. Тунгусские роды также вступали в стычки с якутами и отрядами русских промышленников и служилых людей. В статье анализируются тактические приемы тунгусов для ведения военных действий в таежных условиях и оленных тунгусов в тундровом пространстве. Некоторые тунгусские роды практиковали каннибализм, естественно из-за этого вступали в противоречие с соседними группами. В работе анализируется происхождение войн у древних, примитивных обществ, ведь война – это культурная традиция, как изобретение письменности или государственности. Военная тактика тунгусских родов исходила из ландшафта территории. Степные тунгусы применяли конную тактику, внезапные набеги конницы и кавалерийские стычки по примеру кочевников. Противостоявшие набегам степняков таежные роды отступали в таежную зону и придерживались партизанской тактики уходов и заманивания противника в таежную глухомань. Для противостояния отрядам казаков и якутских родов тунгусы собирали ополчение из многих родов, также осаждали зимовья промышленников и даже их крепостные сооружения. Оленные тунгусы воевали из-за оленных угодий, сочетая перестрелку из луков с дистанции и внезапные ночные нападения на противника с поджиганием юрт.

Ключевые слова: этнография, военное дело, тунгусы, Сибирь, фольклор, археологические материалы, защитное вооружение, каннибализм, обычаи, эвенки, географический ландшафт, народные игры и состязания.

Информация о статье. Дата поступления 21 марта 2018 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 29 сентября 2018 г.

Формат цитирования. Ушницкий В.В., Варавина Г.Н. Военное дело тунгусов в условиях географического ландшафта // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 98–105. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-98-105

MILITARY AFFAIRS OF THE TUNGUS IN CONDITIONS OF GEOGRAPHICAL LANDSCAPE

© V.V. Ushnitsky, G.N. Varavina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the military affairs of the Tungus reconstructed by folklore and archaeological data. Inter-generational wars among the Tungus were due to women, hunting and pastoral lands. The Tunguska clans also engaged in skirmishes with the Yakuts and detachments of Russian industrialists and servicemen. The article analyzes the tactics of the Tunguses for conducting military operations in taiga conditions as well as reindeer Tunguses in the tundra space. Some Tunguska genera practiced cannibalism, hence because of that they were in conflict with neighboring groups. The article analyzes the origin of wars in ancient, primitive societies, because war was a such cultural tradition as an invention of writing or statehood. The military tactics of the Tungus clans proceeded from the terrain of the territory. Steppe Tungus used horse tactics, sudden cavalry raids and cavalry skirmishes following the pattern of nomads. Resisting the steppe tribes of the steppe taiga genera retreated into the taiga zone and followed the partisan tactics of withdrawing and luring the enemy into the taiga deafness. In order to resist the detachments of the Cossacks and the Yakut families, the Tunguses gathered militia from many clans, and the winter huts of industrialists and even their fortifications were also besieged. Deer Tunguses fought because of deer lands, combining bow shooting from a distance and sudden night attacks on the enemy, setting fire to the yurts.

Keywords: *Ethnography, military, Tungus, Siberia, folklore, archaeological materials, armature Cannibalism, customs, Evenks, geographical landscape, folk games and competitions*

Article info. Received March 21, 2018; accepted for publication April 20, 2018; available online September 29, 2018.

For citation. Ushnitsky V.V., Varavina G.N. Military affairs of the Tungus in conditions of geographical landscape. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* = Journal of Ancient Technology Laboratory, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 98–105. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-98-105. (In Russian).

Тунгусы, занимавшие огромные просторы Сибири и Дальнего Востока, имели постоянные военные столкновения с таежными и степными народами, а затем и с русскими казаками и промышленниками. Они считались народом воинственным, доминировавшим в лесных пространствах и умело противостоявшим кочевым объединениям. В портфелях Г.Ф. Миллера сохранилось обозрение военного дела народов Сибири, в том числе тунгусов (Миллер, 2009). Военное дело тунгусов в общем контексте военного дела народов Северо-Востока Севера изучала В.В. Антропова (Антропова, 1957). Специальное исследование развития военного дела оленных эвенов (ламүтов) провел в рамках статьи А.К. Нёфедкин (Нёфедкин, 2014). В 2011 г. Р.В. Гвоздев защитил диссертацию по военному делу тунгусо-маньчжурских народов.

Непрерывные войны у тунгусов – межродовые и межплеменные – привели у них к довольно широкому развитию военного дела. Военное дело у тунгусов в XVII в. – любопытная страничка истории тунгусского народа. «И против друг друга всегда воюют, почему для предосторожности имеют весьма довольно орудия и в готовности и хранят при себе неотлучно» - писал о якутских тунгусах в XVIII в. И. Идес. Куяки были как «тунгусские», так и «якуцкие», попадавшие от якутов через обмен к тунгусам. В одном случае «ламүцкий куяк» определяется как «односторонний», т. е. очевидно, что эти латы не со всех сторон закрывали воина, а лишь прикрывали его грудь (Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН¹. Ф. 5. Оп. 1. Д. 298. Л. 39).

Вплоть до конца XIX в. встреча с тунгусскими охотниками в тайге считалось опасным делом. Сержант Попов, вышедший с Вилюя на Нижнюю

Тунгуску в 1794 г., описывал тунгусов так: «При первом свидании делают троекратный выстрел из холостых зарядов. Ружья и пороху имеют достаточно; орудиями, стрелами, кольчугами, копьями и пальмами исправно вооружены». Спутник А.Л. Чекановского Ф. Миллер описывая путешествие с Оленека на Нижнюю Тунгуску в 1873 г. рассказывая об одной встрече: «К нам подошли три незнакомца - старик и два парня, вооруженных, словно шли на неприятеля с пальмами, направленными на нас. Обращение по-тунгуски успокоило их» (Архив МАЭ СПб РАН². Ф. 22. Оп. 1. № 147).

Согласно Г.Ф. Миллеру, среди лесных тунгусов часто происходили схватки между родами. Причиной межродовых стычек было убийство человека из другого рода во время охоты; следует полагать, что до возникновения государства и правовых норм, только кровная месть служила удовлетворением при совершении преступления. Часто обвиняемая сторона признавала свою вину, тогда враждующие стороны договаривались о головщине, которая состояла из одной или двух девушек и нескольких оленей. Если обвиняемая сторона не признавала свою вину, дело доходило до настоящей войны. Весь род обвиняемого, считающего себя невиновным, вставал на его сторону, каждая сторона призывала на помощь другие соседние тунгусские роды (Миллер, 2009. С. 347).

В чем заключалась причина существования войн даже у примитивных обществ? Так, М. Мид отмечает, что австралийские аборигены сражались не за землю, не за власть одной группы над другой и расширение населения, а из-за того, что война была частью их традиции.

«При нападении, одна партия тунгусов выступала против другой в боевом порядке. Но зачастую

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

² Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук.

эти стычки состояли из почти ритуальной перестрелки, без перехода на рукопашную схватку. ... перестрелка между сторонами бывала очень горячей и обычно обиженная сторона не уступала до тех пор, пока противная не запрашивала о переговорах. Сторона, предлагающая переговоры, выпускала несколько болтовидных стрел, и как только их видели на другой стороне, в силу вступало перемирие, и вырабатывалось условие, как будто не было военной стычки, устанавливалась «головщина» (Миллер, 2009. С. 348).

«Когда тунгусы на Нижней Тунгуске и Подкаменной Тунгуске шли в бой друг против друга, они зажигали на расстоянии 20–30 саженей два больших костра. В середину между этими двумя кострами с обеих сторон выходили два шамана и совершали свои обычные камлания с битьем в бубен и вызыванием чертей, чтобы с их помощью одержать победу. Эти шаманы во время своего шаманства в момент наивысшего возбуждения хватили друг друга и начинали бороться. Побеждавшая сторона, чей шаман сумел уложить противника на землю, тем самым ободрялась и твердо верила, что победа от нее не уйдет. Как только камлание заканчивалось, начинался бой, при этом каждая сторона оставалась позади своего костра, и они вели перестрелку с помощью луков, без рукопашной схватки» (Миллер, 2009. С. 349).

По наблюдениям М. Мид, индейцы равнины выходят с энтузиазмом на войну, потому что они имеют боевые навыки, которые являются самым высоким умением и достоинством мужчины. Храбрый мужчина имел больше шансов добиться положения и завоевать внимание понравившейся женщины (Mead, 1990).

Тунгусский фольклор воспеваает сильного, неустрашимого воина. Он является излюбленным героем многочисленных преданий и легенд. Часто встречающейся темой тунгусского фольклора является и тема поединков богатырей. Фигурируют в эвенкийских преданиях и обучение военному делу юношей, и отряды «лучников» и «мечников». Очень интересный материал об обучении военному делу у тунгусов и о тунгусских военных дружинах дают легенды, записанные А.Ф. Анисимовым. Основное ядро дружины составляли «мужчины,

хорошо обученные военному делу»; при осуществлении каких либо военных предприятий вокруг них группировались и «мужчины, мало обученные военному делу». Обучение проходило несколько стадий. Обучаемый должен был научиться увертываться от стрел, рубиться мечом, хорошо стрелять из лука, выдерживать осаду в чуме, управлять хорошо лодкой и т. д. (Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 298. Л. 40).

Военное дело тунгусов и саха удивительно сходствует. Так, шаман являлся не только духовным лидером рода, но и его военным предводителем. Как и у саха в преданиях отмечается участие шаманов в роли воинов-богатырей. Шаманы даже формировали отряды воинов по 40–100 чел. Столкновения между родами в большинстве случаев заканчивались поединками сильных людей (Гвоздев, 2011. С. 140).

При обряде посвящения в воины – «туом» жертвами служили люди. В начале обряда, как и у саха, вызывали духа войны, затем по приказу военачальника убивали дряхлого старика или старуху, чтобы их кровью окропить оружие (Гвоздев, 2011. С. 140).

В чем заключается смысл появления войн? Согласно М. Мид, первоначальными мотивами для изобретения войны являются конфликты между различными группами из-за продовольствия, плодородных земель и статуса, которые были обусловлены перенаселенностью (Mead, 1990).

Посмотрим из-за чего воевали тунгусские ви-тязи. «Богатыри-хоһууны (северные якуты воинов-богатырей называли словом “хоһуун”) отправлялись искать новое место. На новом месте они сражались с хоһуунами чужих родов. Когда побеждали, то переселяли свой род на новое место. Сражались только хоһууны, род не участвовал. Люди побежденного рода входили в род победителей. Эвенский лук состоял из трех слоев. Два края лука состояли из отдельных пластин. Из березы делали лук. Особенно в сказаниях прославляются имена Уйамкаан хоһууна и Хаптагай Баатыра якута. Однажды увидели человека, прыгавшего из одного оленя в другого. Так он промчался перед своим противником, тот не успел выстрелить в него. Когда хотел помчаться за врагом, нога не сдвинулась с

места, она оказалось проткнутой стрелой всадника. Поняв, что его просто пожалели, оставив жизнь, стал умолять противника о пощаде»³. Таким образом, видно, что победитель забирал женщин и детей, охотничьи угодья или оленные пастбища, в сказаниях он предстает перед нами как удалой хоһуун, пример для подражания. Для пропитания охотничьих групп, необходимы были обширные таежные пространства, полные дикого зверя и пушнины, нужных для уплаты ясака.

Обычно причиной военных действий между родами служила кровная месть, которая зачастую продолжалась до полного истребления представителей противоборствующего рода. «Сородичи убитого с криком ярости бросаются на сородичей убийцы, и завязывается кровавая потасовка. Если обе стороны понесли потери, то у виновных должно быть убито на одного человека больше. Если нет, конфликт продолжается – иногда до полного самоуничтожения. Мстить будет последний из оставшихся в живых. Пусть – погибли взрослые – остались дети, они вырастут, отомстят...» (Туголуков, 2016. С. 69).

Обычный мотив тунгусского эпоса: в побежденном роде остается мальчик, которого вместе с матерью забрали себе победители. Однажды мальчик узнает, что он чужой в этом роде, что его отец и братья были убиты людьми, среди которых он рос, и он клянется отомстить. Он вырастает в храброго юношу. И вот настает час расплаты с врагами (Там же).

Сонинги (воины) западных эвенков обучались стрельбе из лука и увертыванию от пущенных в них стрел. Умению прятаться на деревьях и соскакивать оттуда, когда в них пускали стрелу; а также бегу – сонинг бегал за зверем, стараясь схватить его за ногу. Обучали, готовя мстителя, с детского возраста. Дед учил восьмилетнего внука увертыванию от стрел, сначала деревянной стрелой, потом железной стрелой (Архив МАЭ СПб РАН. Ф. 22. Оп. 1. № 147).

Луки сонингов были, как правило, клеены из трех слоев дерева, причем самым простым и прочным был средний слой. Закругленные концы лука

были тверды и отточены, точно стальное лезвие. Когда у сражавшихся богатырей истощался запас стрел, они рубились луками. Дугой лука сонинг был в состоянии отразить пущенную в него стрелу (Туголуков, 2016. С. 71).

В памяти народа сохранились имена таких сонингов, как Ховоко из рода Момочар, Топоко и Пачаки из рода Момо, Олувуль и Нурговуль – предводителей эвенков, живших в бассейне р. Илимпеи (приток Нижней Тунгуски), Сергунго из рода Кордуй и др.

По одному из преданий великий сонинг Пачаки два года учил сонинга Ховоко. Была у них игра: перепрыгивали через дерево – «бадяка», держась прямо. Другая игра заключалась в следующем: Пачаки и Ховоко вели в поводу важенку, потом отпускали ее, важенка бежала, а сонинг руками должен был остановить ее (Туголуков, 2016. С. 72).

К стрельбе из лука, рубке луками или мечами, к кулачному бою или к борьбе в отдельных случаях добавлялось бросание шаров и молотов на цепочке. Если противник выбирал стрельбу, другой предлагал ему спустить стрелу первым, как старшему. При этом присматривался, как тот может прыгнуть, чтобы поймать стрелу серединкой лука. Чаще поединок выражался в кулачном бою и борьбе. Если ослабевший противник просил пощады, обещая выдать сестру, противник кончал поединок.

Для коллективного боя находили место на реке: одни устраивались на высоком берегу, другие на низком. В тайге иногда окружали чум: амгунские – изгородью, витимские – земляным валом, сымские окружали чум изгородью из вертикально поставленных нарт.

Эвенки были постоянно насторожены и готовы отразить любые нападения неприятелей, которые бывали часто и случались еще в XIX в.

Поединки и коллективные бои имели немало традиций, которые следовало выполнять:

– во время боя было запрещено убивать женщин и детей;

– одним из древних и широко распространенных правил было обязательство приканчивать всех побежденных мужчин, и побежденные обычно не просили пощады;

³ Информация от М. Колесова, Эвено-Бытантайский район РС (Я). Октябрь 2015 г.

– запрещалось при нападении на спящих убивать их без предупреждения;

– если сонинг был смертельно ранен и лежал с открытыми глазами, добить его можно было только, прикрыв лицо, «не станете же убивать живого, прикройте глаза»;

– месть за смерть кого-либо из родных должна быть направлена только на одного человека;

– убитых сонингов по традиции западных эвенков надо было сварить целиком или только сердце и съесть его, чтобы приобщиться к его силе и ловкости;

– состарившийся сонинг должен был передать свою силу, смелость, ловкость и другие качества какому-нибудь сонингу;

– допускалась обратная месть.

Поединочный бой начинался с задевания словами, чтобы вызвать злость, затем некоторые сонинги обменивались стрелами, некоторые договаривались о расстоянии для стрельбы друг в друга (Архив МАЭ СПб РАН. Ф. 22. Оп. 1. № 147).

М. Мид объясняет, что «война является неизбежным спутником развития цивилизации, борьбы за землю и природные ресурсы, классовых обществ вытекающая не из природы человека, но от природы истории» (Mead, 1990). Из якутского фольклора известны описания многочисленных столкновений и сражений якутских боотуров с эвенками. Однако, как подчеркивает якутский этнограф С.И. Николаев, эвенки ничего не рассказывают ни о войнах с якутами, ни о раздорах между эвенкийскими родами. Нельзя, конечно, отсюда сделать вывод, что и о войнах эвенки молчат, поскольку и войны в жизни эвенков были будничным явлением. Вывод отсюда один: вероятно, эвенки не знают о войнах лишь потому, что таких войн, как это раздувают якутские предания, вообще и не было. Возможно, что якутские предания о войнах между якутами и эвенками в древности придуманы и раздуты якутскими богачами-тойонами, у которых начинается просыпаться якутский национализм (Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 305. Л. 9).

Якутские роды воевали между собой из-за скотоводческих пастбищ и сенокосных угодий, которые на территории Средней Лены возникли пу-

тем неустанного труда нескольких поколений скотоводов (освобождения от кочек и лесного массива путем пала). Поэтому мало было конфликтов с тунгусами. Только после прихода казаков большие отряды якутских всадников стали переселяться в бассейн Вилюя и вытеснять тунгусов с насиженных мест.

Война между североамериканскими индейцами, по замечанию L. Keeley, часто проистекает из агрессии нескольких крайне воинственных племен. «Менее агрессивные общества, стимулируемые более воинственными группами в их окрестностях, сами становятся более воинственными людьми». Другими словами, война является самовоспроизводящимся символом (Keeley, 1996).

Среди тунгусов были воинственные родовые группы и менее воинственные роды, которые становились жертвой агрессивных групп. Например, роды Нижней Тунгуски – лесные, щитолицые тунгусы считались крайне воинственными. Это рода валядыр, нерумняли. Представители этих родов были каннибалами. К приходу Колумба в островах Карибского моря жили миролюбивые племена араваков, среди которых всегда царил мир, и они не знали оружия. Однако их соседями были карибы, племена жестоких каннибалов, они считались крайне воинственными. Эти примеры из истории человеческих обществ показывают, что именно из-за обычаев каннибализма происходили военные столкновения между отдельными этническими группами.

По наблюдениям антропологов Кэрла и Клейтона Робарчек за три десятилетия показатель убийств у индейского племени Ваорани (Долина Амазонки в Бразилии) упал до 60 случаев на 100 тыс. населения. Женщины Ваорани отважились выйти во «внешний» мир и принесли оттуда информацию, что чужаки не каннибалы. Кроме того, сами члены племени уже давно устали от бесконечных вендетт, в которых погибали целые семейные кланы. Были основаны церкви, в которых люди приносили клятву. Напротив, структурные изменения стали происходить после духовного обращения к ненасилию и получения новой информации (Robarchek, Robarchek, 1996).

Тунгусские слова «деп»- «дев»-, сохраняющие во всех языках значение «съесть», в фольклоре сохраняют значение «напасть», «убить», «захватить». Следовательно, в глубокой древности предки тунгусов практиковали каннибализм. Одним из способов окончательного уничтожения противника было отрубание головы с насаживанием ее на ствол. Голова могла быть заменена скальпом. Отрубание головы противника и насаживание ее на ствол равнозначно развеиванию на ветер пепла сожженного тела врага, т. е. полное его уничтожение (Гвоздев, 2013).

Этнический вопрос происхождения военных знаний отражен в фольклоре. В нем создается феномен борьбы стихийных явлений между собой: гор и моря, гор и леса. По мнению Р.В. Гвоздева, концепция войны у тунгусо-маньчжуров берет свое начало с борьбы стихий. Дух гор часто олицетворялся в образе медведя, а дух моря – в виде сивуча. Основной мотив войны между духами и героем – это взаимная кровная месть за убитых родственников. Иногда это месть за похищенных духом женщин. У эпического героя есть помощники. В тунгусском фольклоре в этой роли, как правило, выступает белый олень или собака (Гвоздев, 2013. С. 612).

Тунгусские слова «икэниэвин» (игра, пение, пляска, танец, состязание, поединок) обозначали магическую охотничью пантомиму, включавшую соревнование в пении, танце, спортивных играх, стрельбе и увертывании от стрел или в ловле спущенной стрелы, в борьбе, беге и др. Позже к этим значениям добавилось значение «поединок». Икэндек – площадка для таких соревнований (Архив МАЭ СПб РАН. Ф. 22. Оп. 1. № 147).

Такие же перемены происходили в жизни аборигенов Восточной Сибири – тунгусов. Некогда воинственные люди после принятия православия становились кроткими и мирными. Этот факт показывает, что многие этносы переходили на воинственный образ жизни из-за ложного понимания образа жизни чужаков – своих соседей. Они думали, что их окружают каннибалы – враги. Такое ложное представление об окружающих этносах характерно и для представителей современных культур. В тунгусском фольклоре эвенков окружают враждебные

племена чангитов и булэнов – жестоких каннибалов. Точно так же и якутский фольклор воспринимает племена «тонгбиистэр» – мерзлые народы, в этом лице представлены тунгусские и юкагирские роды, как людоеды, нападающие на мирных скотоводов.

Вероятно, эвены, используя быстроту оленей, старались напасть на противника внезапно, вызвать панику, нанося при этом ему максимальные потери прицельной стрельбой. При необходимости оленные эвены могли производить маневр ложного бегства, чтобы заставить противника истратить стрелы, измотать силы, а затем самим перейти в наступление (Нёфедкин, 2014. С. 113–114).

Разные группы тунгусов имели свой опыт ведения военных действий против отрядов «служилых» и «промышленных» людей Московского государства. Впервые тунгусы и казаки встретились в Западной Сибири на Оби когда шли навстречу друг другу, покоряя аборигенные племена. Тунгусский вождь Данула оказался достойным противником казаков. Тунгусские рода вели жестокие боевые столкновения между собой. Русские колонизаторы, воспользовавшись этим, сталкивали одни рода с другими, в итоге принудив их к уплате ясака. На севере ламуты и тунгусы воевали с чукчами и юкагирами, иногда с коряками. Документами и тунгусским фольклором не подтверждаются успешные военные действия отрядов якутских боотуров против тунгусских родов, о которых повествует фольклор саха. Зато Манан Мэкчэ и Юнкээбил – известные тунгусские богатыри – предводители тунгусских родов, становятся героями «хосунного» эпоса саха.

Более сплоченными оказались «пешие» тунгусы Охотского побережья, неоднократно поднимавшиеся на борьбу и собиравшие большие ополчения, вооруженные железным оружием. Они, став оленными ламутами, в Верхоянских горах разгромили военный отряд, направленный для их покорения воеводой И. Приклонским. В Охотском крае также прославились вожди ламутов Некрунко и Зелемей Ковырин, возглавившие восстание против ясачного ига и громившие крупные отряды казаков. На Амуре конные и оленные рода тунгусов принимали участие в военных действиях на сторо-

не Цинской империи маньчжур против отрядов казаков. В Маньчжурии солоньки были мобилизованы в маньчжурскую армию, вошли в состав знаменных войск. Знаменитый маньчжурский полководец Хайланьча происходил из солонько-эвенков. В Забайкалье наоборот конные тунгусы выступали в качестве союзников русских. Так, Гантимур – вождь эвенкийского рода Дуликагир, получил за военную службу дворянское звание. Забайкальские тунгусы-эвенки были набраны в пограничную службу и постепенно превратились в забайкальских казаков.

В середине XVII в. выдающимся вождем конных тунгусов был Гантимур. Вот так описывает Гантимура посол Н. Спафарий, встречавшийся с ним во время своего проезда из Москвы в Пекин в 1675 г.: «...муж великий, храбрый, будто исполин, девять жен у него, а детей больше тридцати... А племя его соберется больше трехсот человек, все вооружены,

в кюках с копьями». Сам Гантимур, будучи главой рода Дуликагир, одновременно являлся и патриархом большой семьи (Туголуков, 2016. С. 72).

Таким образом, военная тактика тунгусских родов исходила из ландшафта территории. Степные тунгусы применяли конную тактику, внезапные набеги конницы и кавалерийские стычки по примеру кочевников. Противостоявшие набегам степняков таежные роды отступали в таежную зону и придерживались партизанской тактики уходов и заманивания противника в таежную глухомань. Для того чтобы противостоять отрядам казаков и якутских родов тунгусы собирали ополчение из многих родов, также осаждали зимовья промышленников и даже их крепостные сооружения. Оленные тунгусы воевали из-за оленных угодий, сочетая перестрелку из луков на расстоянии и внезапные ночные нападения на противника.

Библиографический список

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Севера у народов Северо-Востока Сибири // Труды института Этнографии им. Н.Н. Михлуко-Маклая. Новая серия. Том 35. (Сибирский этнографический сборник II). М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. С. 99–245.

Гвоздев Р.В. Развитие военной организации тунгусо-маньчжуров (по материалам середины XIX–XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 138–143.

Гвоздев Р.В. Этнические особенности военных знаний, выраженные в фольклоре тунгусо-маньчжуров и нивхов // Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 609–614.

Нефёдкин А.К. Военное дело ламутов XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 104–120.

References

Antropova V.V. *Voprosy voennoi organizatsii i voenogo dela u narodov Krainego Severa u narodov Severo-Vostoka Sibiri* [Questions of military organization and military affairs among the peoples of the Far North and the peoples of the North-East of Siberia]. *Trudy instituta Etnografii im. N.N. Mikhluco-Maklaya. Novaya seriya. Tom 35. (Sibirskii etnograficheskii sbornik II)* [Proceedings of the N.N. Michluko-Maclay Institute of Ethnography. New series. Volume 35. (Siberian ethnographic collection II)]. Moscow: Academy of Science USSR Publ., 1957, pp. 99–245. (In Russian).

Gvozdev R.V. The development of the military organization of the Tungus-Manchurs (based on materials of the mid-19th–20th century). *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2011, no. 1, pp. 138–143. (In Russian).

Gvozdev R.V. *Etnicheskie osobennosti voennykh znaniy, vyrazhennye v folklore tunguso-manchzhurov i nivkhov* [Ethnic peculiarities of military knowledge expressed in the folklore of the Tungus-Manchurs and Nivkhs]. *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhsivilizatsionnom i obshcherossiiskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sedmye Krushanovskie chteniya, 2011 g.)* [Pacific Russia in the inter civilizational and all-Russian space: past, present, future (Seventh Krushanov Readings, 2011)]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2013, pp. 609–614. (In Russian).

Nefedkin A.K. The military affairs of the Lamutes of the XVII–XVIII centuries AC. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 5, pp. 104–120. (In Russian).

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Туголуков В.А. Идущие поперек хребтов. Красноярск: Издательский дом «Сибирские промыслы», 2016. 184 с.

Keeley L. War Before Civilization. The Myth of the Peaceful Savage. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996. 245 p.

Mead M. Warfare is Only an Invention – Not a Biological Necessity // In The Dolphin Reader. 2nd edition. Boston: Houghton Mifflin Company, 1990. P. 415–421.

Robarchek C., Robarchek C. The Aucas, the Cannibals, and the Missionaries: From Warfare to Peacefulness among the Waorani // In A Natural History of Peace. Nashville: Vanderbilt University Press, 1996. P. 189–212.

Критерии авторства

Ушницкий В.В., Варавина Г.Н. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Ушницкий Василий Васильевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 677027, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: voma@mail.ru

Варавина Галина Николаевна,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 677027, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: varavina1982@mail.ru

sian).

Miller G.F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2009, 456 p. (In Russian).

Tugolukov V.A. *Idushchie poperek khrebtov* [Running across the ridges]. Krasnoyarsk: Izdatelskii dom "Sibirskie promysly" Publ., 2016, 184 p. (In Russian).

Keeley L. War Before Civilization. The Myth of the Peaceful Savage. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996, 245 p.

Mead M. Warfare is Only an Invention – Not a Biological Necessity. In The Dolphin Reader. 2nd edition. Boston: Houghton Mifflin Company, 1990, pp. 415–421.

Robarchek C., Robarchek C. The Aucas, the Cannibals, and the Missionaries: From Warfare to Peacefulness among the Waorani. In A Natural History of Peace. Nashville: Vanderbilt University Press, 1996, pp. 189–212.

Attribution criteria

Ushnitsky V.V., Varavina G.N. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Vasilii V. Ushnitsky,

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher of the Ethnography Sector, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, e-mail: voma@mail.ru

Galina N. Varavina,

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher of the Ethnography Sector, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, e-mail: varavina1982@mail.ru